

TARTU ÜLIKOOLI
VENE KIRJANDUSE KATEEDER
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

STUDIA RUSSICA HELSINGIENSIA
ET TARTUENSIA

VI

ПРОБЛЕМЫ ГРАНИЦЫ В КУЛЬТУРЕ

TARTU 1998

ISSN 1239-1611

ISBN 9985-56-369-7

Лихачев: *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. С. 3–8.

Панарин: *Панарин А.* О возможностях отечественной культуры // Новый мир. 1996. № 9. С. 177–185.

Пастернак: *Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1989–1992.

РОССИЯ ДРЕВНЯЯ И РОССИЯ НОВАЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КАРАМЗИНА (1811 г.)

ЕЛЕНА ПОГОСЯН

Противопоставление “древней” и “новой” России задано Карамзиным уже в заглавии записки “О древней и новой России”, написанной им для Александра I в 1810–1811 г. Анализ позиции Карамзина-историка неизбежно ведет исследователя к вопросу о границе этих двух эпох. Так, Н. Я. Эйдельман пишет: “Главное обвинение историка: в XVIII веке нарушены некоторые важные, естественные пути, которыми прежде шел народ, двигалась русская история; *речь идет о “новорожденнии”* в России (хотя щербатовского потаенного памфлета историк, по-видимому, не знал); и далее Эйдельман приводит слова Карамзина: “*Виню Петра*”¹.

Характеризуя политическую концепцию записки “О древней и новой России”, Ю. М. Лотман писал: “*Угроза бюрократии* была осознана публицистами эпохи Просвещения. Еще Руссо, а в России — Радищев, указали лекарство — прямое, непосредственное народоправство. <...> Ни прямое проявление власти народа, ни идея народного суверенита Карамзина не привлекали. <...> Он противопоставлял бюрократии другую силу: *человеческое достоинство* <...>. Здесь начался счет, который он предьявлял *Петру I*: Петр осуществил необходимую реформу, но превысил полномочия государственной власти, вторгшись в сферу частной жизни, в область личного достоинства отдельного человека”².

Но проходила ли для Карамзина граница между Россией древней и Россией новой там, где начиналась петровская эпоха?

Записка "О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях" начинается историческим введением, где Карамзин дает краткий очерк истории России от Юрика до Павла, после чего переходит к анализу первых десяти лет правления Александра I. Очевидно, что роль исторического введения состоит в том, чтобы на материале истории России показать читателю (в первую очередь, императору), какие тенденции развития государства являются благоприятными для России, какие — опасными и даже гибельными. Этот объективный фон должен был дать историку возможность оценить деятельность любого российского монарха. Уже название "Записки" указывает на то, что ключевыми для оценки будут понятия "древней" и "новой" России.

В самом начале "Записки" Карамзин вводит своего рода историческую "точку отсчета": падение Рима знаменует начало "новой" эпохи в истории Европы. "Рим, — пишет Карамзин, — некогда сильный доблестью, ослабел в неге и пал <...>. Началось новое творение: явились новые народы, новые нравы, и Европа восприняла новый образ <...> В сию новую общую систему вошла и Россия"³. Это — исходный рубеж существования России как государства.

Настойчивое использование термина "новый" с первых строк "Записки", когда речь идет о древнейшем периоде истории государства, определяет для читателя и исходную возможность понимания заглавия: "древняя Россия" и есть "новая Россия" — государство в момент "Творения". Такое значение термина "новый" Карамзин подчеркивает, последовательно характеризуя этот период как период младенчества государства. "В конце X в., — пишет Карамзин, — Европейская Россия была уже не менее нынешней, то есть, во сто лет она достигла *от колыбели* до величия редкого" (2). И далее дает государству этого периода такие характеристики, как "пылкий юноша" (2) или "бодрый юноша" (3).

Вслед за этим термин "новый" на некоторое время исчезает из текста "Записки", и дальнейшее повествование построено как сопоставление сменяющихся друг друга эпох в развитии России. Эпоха Юрика — это объединение "разнородных пле-

мен" и установление единовластия "на развалинах множества слабых, несогласных держав народных" (2). Следующий этап — "удельная система" — "язва тогдашнего времени" (3). "Народ, — пишет Карамзин, характеризует этот период, — охладел в усердии к князьям, видя, что они, для ничтожных, личных *выгод*, жертвуют его кровию, и равнодушно смотрел на падение их тронов" (4). Но это не только эпоха, когда торжествуют личные интересы правителей, это и время, когда князья в борьбе с татарами проявляют необыкновенное личное мужество: "слабые разделением сил, несогласные даже и в общем бедствии", русские князья "удовольствовались *венцами мучеников*, прияв оные в неравных битвах и в защите городов бранных" (5). Личное мужество князей в борьбе с татарами ("венцы мучеников") получает у Карамзина определенно отрицательную оценку ("удовольствовались"): личная добродетель не есть добродетель высшего порядка, не есть государственная добродетель⁴.

Московские князья, напротив, не отличаются мужеством и независимостью киевских князей. Для "собирателя земли Русской" Иоанна Калиты Карамзин находит только одну яркую характеристику — "*хитрый*" (6); Иоанн готов "употребить самих Ханов в орудие нашей свободы", "*сниская особую милость Узбека*" (6) (при этом ханы готовы верить ему "с детскою невинностию" — 7).

Противопоставление князя-воина, отличающегося личными доблестями, и мудрого правителя есть и в "Истории". Особенно красноречива, например, характеристика Святослава: "Но Святослав, образец великих полководцев, не есть пример государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага, и характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка"⁵.

Характеристики "новая" и "древняя" по отношению к России появляются именно в рассказе об объединении государства под властью московских князей. Для объединения России и утверждения самодержавия (надлежало, по Карамзину, "единовластие усилить самодержавием"), необходимо было уничтожить "обыкновения", которые сохранились от "правления

нее *личных* несправедливостей, или *зablуждений Государя*” (15). Говоря о Павле, Карамзин формулирует эту мысль еще более определенно: “Если некоторые Вельможи, Генералы, телохранители присвоят себе власть тайно губить Монархов, или сменить их, что будет Самодержавие? — игралищем Олигархии, и должно скоро обратиться в безначалие, которое ужаснее самого злейшего властителя, подвергая опасности *всех граждан*, а тиран казнит только *некоторых*” (40). То есть личные пороки монарха, как и личные добродетели, имеют только косвенное отношение в государственному благоденствию. Позднее, как известно, отношение Карамзина к Ивану Грозному значительно усложнится.

Таким образом, первая часть исторического введения “Записки” давала читателю ключ к совершенно определенному пониманию вынесенного в заглавие противопоставления: “древней” республиканской России Карамзин противопоставлял “новую” Россию, “вознесенную самодержавием”.

Заканчивая в “Записке” разговор о России до Петра, Карамзин вводит понятие “старый”: “Еще предки наши усердно следовали своим обычаям, но пример начал действовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верх над *старым* обычаем, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы нехотя, применяя все к нашему и *новое соединяя со старым*” (21). Термин “старый” здесь не является адекватным характеристикой “древний” (то есть не имеет отношения ни к республиканским традициям, ни к идее личной добродетели или порока). Напротив, он определенно имеет в данном контексте положительное значение. В то же самое время Карамзин временно отказывается от использования характеристики “древний” и избегает ее там, где, в соответствии с логикой изложения предшествующих событий, она должна появиться. Так, говоря о стрелецких бунтах, он перечисляет все признаки “древней” России, но не использует слова “древний”: “Явился Петр. В его детские лета самовольство вельмож, наглость стрельцов и властолюбие Софьи напомнили России несчастные времена смут боярских” (21). При

народного” (7). “Во всех *древних* городах наших, — указывает Карамзин, — бывало, так называемое, вече, или совет *народный*” (7). “Древний” становится здесь регулярной характеристикой именно веча как “республиканского учреждения” (7) (“*древнее* право веча” (8); “*древние* веча” (12) и др.). “Сей дух вольности, — пишет Карамзин, — господствовал в России до нашествия Батыева” (8); московские князья истребили “все остатки *древней* республиканской системы, основали истинное самодержавие” (8).

Таким образом, характеристика “древний” появляется как знак “республиканской” системы, которая господствовала в России до прихода татар и сохранялась вплоть до Московского периода. Сам же этот период подчеркнуто характеризуется Карамзиным как эпоха господства личных интересов и личных добродетелей.

Противостоит “древней России” “Россия *новая*, возрожденная” (9), которую характеризует “истинное самодержавие” и господство государственных интересов и государственных добродетелей. В интересах “новой России” в этот период была введена смертная казнь, “неизвестная *древним* независимым россиянам” (11). При этом Карамзин указывает, что смертная казнь была введена вопреки личным свойствам правителя: “Димитрий Донской <...> вопреки *редкому* *человеколюбью*, первый установил торжественную смертную казнь” (8).

Ярко эта же мысль проявляется, например, в характеристике Бориса Годунова. Годунов “среди великих усилий человеческого мудрости и в сиянии добродетелей наружных” “смягчал самодержавие в руках своих: кровь не лилась на лобном месте”, но “нравственное могущество царское ослабело в сем *избранном* венценосце” (13).

Государственные добродетели монарха находят для Карамзина в прямом отношении к понятию “народной добродетели”. Так, говоря о правлении Ивана Грозного, он указывает: “Нигде и никогда грозное самодержавие не предлагало столь жестких искушений для *народной добродетели*, для верности, для повиновения” (12–13). “Самовольные *управы народа*, — пишет Карамзин, — бываю для гражданских обществ вред-

этом сами "времена смут боярских" ранее Карамзин характеризовал как "древние смуты Боярские" (16) — остатки древней "вольности". Карамзин, таким образом, не сразу меняет значение понятия "древний", а сначала противопоставляет ему близкое по смыслу понятие "старый" и, отделив лексически два употребления, получает возможность использовать и исходное слово "древний" уже в новом значении.

Следующий шаг в преобразовании противопоставления "древнего" и "нового" в "Записке" — трансформация значения термина "новый".

Правление Петра I Карамзин потивопоставляет России при московских князьях (которую, как мы видели, Карамзин определял как "новую Россию"): "Скажем ли, что Петр есть Творец величия государственного?.. Забудем ли мы Князей московских: Иоанна I, Иоанна III, которые, можно сказать, из ничего воздвигли державу сильную" (22). Эти слова Карамзина звучат полемически не только по отношению к установившейся еще при Петре традиции описывать Россию начала XVIII века как "новую", но, видимо, прямо соотносены с наиболее ярко представлявшим эту традицию панегирическим творчеством Ломоносова⁷.

Петр, таким образом, для Карамзина не был творцом "новой России", но термин "новый" Карамзин настойчиво использует при характеристике Петра. Так, целью преобразования Петра было, как пишет Карамзин, "не только *новое* величие России, но и совершенное присвоение обычая европейских" (21); "сильною рукою дано *новое* движение России", "*новый* порядок", "*новые* важные перемены" (29) и т. д.

Однако "новое" при Петре оказывается отрицательной характеристикой, "вредной стороной блестящего царствования" (22). "*Сия страсть к новым* для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия" (22) ("страсть", видимо, также появляется не случайно — именно "страсть" была одной из характеристик политических деятелей, от которых зависела судьба "древней", "республиканской" России).

Вслед за этим уже в измененном, положительном значении появляется термин "древний": "Искореня *древние* навыки,

представляя их смешными <...> Государь России унижал Россиян в собственном их сердце" (22), — пишет Карамзин. "Для утверждения *новых* обычаев, — продолжает он, — требуется одновременность. Петр ограничил свое преобразование Дворянством. Дотеле, от сохи до Престола, Россияне сходствовали между собою <...> со времен Петровых высшие степени отличались от нижних" (23). Заметим, что Карамзин продолжает полемiku с Ломоносовым: в данном случае Карамзин использует известную ломоносовскую формулу "от земледельца до царя", чтобы подчеркнуть не единство нации, как у Ломоносова, а именно ее разделение в петровскую эпоху. И далее уже регулярно "древний" выступает как положительная характеристика: "вместо *древней* славной Думы, явился Сенат" (24); "вместе с *древними* привычками, отнимает у них самое отечество" (26) и т. д.

Показательно и то, что "вольность" и "страсти" — характеристики "древнего" в истории России до Ивана III — теперь связаны автором с "новым": "Россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и Европейская *вольность* заступила место Азиатского принуждения" (24); "*вольные* общества Немецкой Слободы, приятные для необузданной молодости", "пылкий монарх с разгоряченным воображением" (26).

Точно так же Карамзин относит теперь представление об индивидуальных, частных достоинствах к "новому россиянину" (в первой части, как мы видели, они характеризовали "древних" князей), а "гражданские" и "народные добродетели" — к эпохе допетровской, то есть к "древней" России: "Не говорю и не думаю, чтобы *древние россияне* <...> были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых *нравственных отношениях*, мы превосходнее <...> однакож должно согласиться, что мы, с приобретением *добродетелей человеческих, утратили гражданские*" (25).

Полная симметрия между "древней" республиканской Россией первой части исторического введения и "новой" Россией после Петра устанавливается тем, что Карамзин прямо упоминает республику как политический идеал последпетровской эпохи. Екатерина, указывает Карамзин, — "вторая образова-

тельница *новой России*” — “пленялась характером древних республиканцев” (33); ее эпоху Карамзин связывает с “мечтаниями гражданской вольности и равенства” (38). Соответственно, правление Екатерины становится моментом наивысшего расцвета частных, индивидуальных достоинств человека: “Исчез у нас дух рабства <...>. Следствием были спокойствие сердец, успехи приятностей светских, знаний, разума” (33–34). В то же время, “*любовь к Святой Руси*, охлажденную в нас переменами Великого Петра, монархиня хотела заменить *гражданским честолюбием*, для того соединила с чинами новые прелести, или выгоды, вымышляя знаки отличий” (35). Очевидно, что, с точки зрения Карамзина, это была далеко не адекватная замена: личное честолюбие процветало, но “не было <...> твердых правил и нравственности в *гражданской жизни*” (37).

Во второй части исторического введения, как мы видели, Карамзин меняет значение противопоставления “древней” и “новой России” на противоположное не только ценностно, но и по основным характеристикам каждого из понятий. То есть именно эпоха Иоанна III становится своеобразным ценностным центром истории России как государства. Этот центр отделяет для Карамзина значение каждого события: историк смотрит на историческое развитие именно из этой эпохи. Россия до этого поворотного момента оценивается им как “древняя” и термин “древний” получает отрицательный смысл. Россия после него — “новая”, и теперь уже “новый” становится отрицательной характеристикой. Только тенденции, ведущие к России Ивана III (“новое” при взгляде из этой точки на “древнюю” Россию), и традиции России Ивана III (то есть “древнее” в “новой” России) Карамзин оценивает как положительный исторический опыт.

В 1811 — начале 1812 г. Карамзин работал над 6-ым томом “Истории государства Российского”, целиком посвященным правлению Ивана III. Представления Карамзина об историческом развитии России, изложенные во введении к “Записке”, нашли здесь самое подробное отражение.

“Отसेле История наша, — пишет Карамзин, — приемлет достоинство истинно государственной <...>. Образуется держава сильная, как бы *новая* для Европы и Азии”. И далее характеристика “новый” по отношению к России Иоанна III полагается здесь регулярно (“*новая* держава”, “*новые* потребности Москвы”, “*новая* честь духовенства российскийского” и др.)⁸. Противостоит “новой” самодержавной России, как и в “Записке”, “древняя” Новгородская республика: борьба Ивана III с Новгородом является центральным сюжетом 6-го тома “Истории”. Новгородцы, пишет Карамзин, “вздумали <...> унижить гордость Москвы, восстановить *древние* права своей вольности”, и далее регулярно, говоря о Новгороде, он использует характеристику “древний” (“*древние* уставы гражданской свободы”, “*древнее* обыкновение”, “*древнее* место веча”, “любовь к *древней* свободе” и др.)⁹. Соответственно, сторонники новгородской вольности оказываются носителями страстей и частных интересов. “Борецкие, — пишет Карамзин о Марфе Посаднице и ее сторонниках, — овладели правлением и погубили отечество, как жертву их *страстей личных*”¹⁰.

На особенностях республиканского правления Карамзин останавливается в “Истории” специально. Так, говоря об окончательном подчинении Новгорода Москве, он пишет: “В первобытном составе всех держав народных, <...> надлежит искать образцов новгородской политической системы, напоминающей ту *глубокую древность народов*, когда они, избирая себе сановников вместо для войны и суда, оставляли себе право наблюдать за ними”¹¹. То есть “древний” оказывается характеристикой более универсальной для республики, чем только указание на роль Новгорода в истории России. Республика здесь является древнейшей и несовершенной формой государственности¹².

Кроме того, здесь Карамзин и прямо указывает на связь республиканского правления и господства частных добродетелей и пороков: “Летописи республик обыкновенно представляют нам сильное *действие страстей* человеческих, порывы великодушия и не редко умилительное *торжество добродетели*, среди мятежей и беспорядка, свойственных народному

правлению, так и летописи Новгорода в неискusstvenной простоте своей являют черты пленительные для воображения¹³. Но черты эти пленительны для воображения поэта (и на это Карамзин указывал, как мы видели, говоря о Святославе), но не для историка.

Идеалом Карамзина-историка является Иван III. "История, — пишет он, — не есть похвальное слово, и не представляет самых великих мужей совершенными. Иоанн как человек не имел *любезных свойств* ни Мономаха, ни Донского, но стоит как государь на высшей степени величия. Он казался иногда боязливым, нерешительным, ибо хотел всегда действовать осторожно. Сия осторожность есть вообще благородствие: оно не *пленяет нас* великодушием смелости"¹⁴. Всю характеристику Иоанна Карамзин строит как "парадокс": этот монарх велик *только* как государь. "Иоанн имел славолюбие не война, а слава последнего состоит в целостности государства, а не в *личном мужестве*"; "Иоанн для государственной пользы <...> умел презирать маловажные, безрассудные *оскорбления*"¹⁵, и т. д.

Другой особенностью характеристики Иоанна III является тот факт, что с самого начала Карамзин строит эту характеристику как сравнение с деятельностью Петра I. Он указывает, что "Россия нынешняя образована Иоанном"¹⁶, и на протяжении всего тома заботливо отбирает факты таким образом, чтобы читатель видел, что все достижения, традиционно приписываемые Петру, есть достижения Иоанна, тогда как широко известные пороки Петра Иоанну были чужды. Так, при Иоанне III "устроаются лучшие воинства, призываются искусства, нужнейшие для успехов ратных и гражданских"; "посольства великокняжеские спешат ко всем дворам знаменитым; посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице"; "земля открывает свои недра"¹⁷, и мы собственными руками извлекаем из оных металлы драгоценные"; иностранны живут в Москве "в особенной слободе"¹⁸, и т. д.

Так же, как и Петр, Иоанн свободен от суеверий. "Истекала седьмая тысяча лет от сотворения мира по греческим Хронологам: суеверие с концом ее ждало и конца миру", — пишет

Карамзин. В этой ситуации "Иоанн предприял воинскими действиями <...> возбудить в россиянах дух бодрости". Когда же является комета и "народ трепещет, ожидая чего-нибудь ужасного", Иоанн "не участвуя в страхе суеверных, спокойно мыслит о важном завоевании"¹⁹.

Видимо, не без отношения к известным фактам биографии Петра, Карамзин приводит в "Истории" рассказ Канторини: "Перед отъездом обеда во дворце, он должен был выпить себрюную стопу крепкого меда и взять ее себе в знак особенной государственной благосклонности. Иоанн дозволил ему не пить"²⁰. Такую же роль призван был, видимо, выполнять и рассказ о заговоре в пользу сына Иоанна Василия. Заговорщики, пишет Карамзин, "клятвою обязались усердно служить сыну против отца и государя. Иоанн, узнав о том, воспытал гневом. Обвиняемых <...> казнили на Москве-реке". Однако "Василий, коего рождение <...> было столь вождеделенно для отца, не мог лишиться всех прав на любовь его. Вина сего князя — если и не сомнительная — находила извинение в незрелости ума и в легкомыслии молодых лет"²¹.

В конце тома появляется и прямое сопоставление с Петром. Новейшие историки, указывает Карамзин, "замечают в нем разительное сходство с Петром Первым: оба без сомнения велики; но Иоанн включил Россию в общую государственную систему Европы и, ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслит о введении *новых* обычаев, о перемещении нравственного характера поданных <...>. Петр думал *выснить себя* чужеземным названием Императора. Иоанн гордился *древним* именем Великого князя и не хотел *нового*"²². Заметим, что здесь, как и в "Записке", как только изменилась историческая перспектива и появилась петровская эпоха, сразу же изменилось значение терминов "новый" и "древний".

Вывод, к которому приходит историк, — в том, что Иоанн "изобрел благоразумнейшую, на дальнейшей умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его предшественники должны были единственно следовать постоянно, чтобы утвердить величие государства"²³.

Вернемся к записке. Возникает вопрос: как вписывает Карамзин в эту схему царствование Александра I?

Карамзин оценивает достоинство Александра I очень высоко, но как достоинства частные: император обладает многими личными добродетелями ("не сомневаясь в добродетели Александра" (41); "все россияне были согласны в добром мнении о качествах юного монарха: он царствует 10 лет, и никто не перемнит о том своих мыслей" (44); "едва ли кто-нибудь из государей превосходил Александра в любви, в ревности к общему благу" (44); "движимый любовью к общему благу" (54); "все намерения Александровы клонятся к общему благу" — 65). Ю. М. Лотман указывал, что в словах Карамзина об Александре "столь умел быть человеком на троне" использованы слова из стихотворения Державина, посвященного императору²⁴. Но для нас важен и тот факт, что державинское стихотворение включало две противоположные по смыслу характеристики:

Будь страстей твоих владетель,

Будь на троне человек²⁵.

То есть монарх, по мнению Державина, должен соединять в себе эти несоединимые качества: быть носителем страстей (человеком) и "владетелем" страстей (государственным муржем). Карамзин, видимо, намеренно использует только вторую часть характеристики: Александр в "Записке" только "человек", хотя в своих человеческих качествах превосходит всех бывших до него русских государей.

Однако личные добродетели Александра (и это соответствует концепции исторического введения) недостаточны для произведения государственного блага (как мученической смерти князей в неравном бою было недостаточно для спасения государства от татар). Так, Карамзин пишет: "Бережливость государя не есть *государственная!* Александра называют даше скупым; но сколько изобретено *новых* мест, сколько чиновников ненужных!" (77); "от начала России не бывало государя, столь умеренного в *своих особенных расходах*, как Александр. — и царствования, столь расточительного, как Его!" (77). Кротость императора также не представляется ис-

торию достоинством. "Единственно в своих *личных*, тайных оскорблениях государь, — по мнению Карамзина, — может прощать достохвально, а не в *общественных*" (111); Александр подданные не боятся: "одно из важнейших *государственных* зол нашего времени есть безстрашие. Везде грабят, и кто наказан?" (108).

Мотивы людей, окружающих Александра — также мотивы частного порядка, хотя значительно менее возвышенные, чем мотивы императора. Говоря, например, об истории "Маркова посольства", Карамзин пишет: "Здесь приходит мне на мысль тогдашний разговор одного молодого любимца государева и старого министра. Первый, имея еще более *самолюбия*, нежели остроумия, и весьма *несильный в государственной науке*, решительно объявил при мне, что Россия должна возвать <...> второй с тонкою улыбкой давал чувствовать, что он способствовал графу Маркову получить голубую ленту в досаду консулу. Молодой любимец веселился мыслию схватить ее в поле славным Бонапарте, а старый министр торжествовал, представляя себе *безильную ярость Наполеона*" (47). "Старый" и "молодой", как мы видим, не имеют здесь отношения к противопоставлению "древнего" и "нового": речь идет не о возрасте и не о конфликте поколений. "Советники трона" думают, как показывает Карамзин, "единственно о пользе своего *личного* *самолюбия*" (52); поступают "*будто бы для общей*, а в самом деле для *частной* выгоды" (77).

В области же государственной деятельности Александр, как и многие его предшественники, вводит "новое", и потому его царствование получает в описании Карамзина известные характеристики.

"Новый" становится регулярной характеристикой деятельности Александра в "Записке". Говоря о внешней политике, Карамзин пишет о "*новом* порядке вещей" (47). При Александре появляются "*новости* в главных способах монаршего действия", тогда как "*всякая новост* в государственном порядке есть зло" (53); "*новые* государственные творения" (61 и 118); "*новые* уставы" (62) и "*новые* дополнительные уставы" (58); "*новая* форма" предисловия законов (58), "*новые* постановле-

ния" (68); "новые образования" (59 и 62), а также "странности в сем новом образовании" (66); "новые законодатели России" (60); "новая комиссия" (94); "новые меры государственного хозяйства" (92); "новые условия для службы" (69); "новые места" (77, 112) и "новые штаты" (78, 112); "новые декорации" (95); "новые налоги" (76); "новые подати" (75 и 86); "новые недостатки" (76); "новые ассигнации" (86) и "новые толкования на ассигнации" (92) и т. д. (все, без исключения, в негативном контексте и с негативным значением)²⁶.

(*Тарый и древний* противопоставляются *новому* и в этой части "Записки"; "К *древним* государственным зданиям, — пишет Карамзин, — прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого" (62); "Для *старого* народа не надо *новых* законов" (99); и т. д. Карамзин в этой части ни разу не употребляет слова "старый" или "древний" в отрицательном значении. Там, где это необходимо, он заменяет их синонимами, например: "Хотя Уложение Царя Алексея Михайловича имеет еще силу закона, но сколько и в нем *обветшалого*" (99).

Александр, таким образом, в своем правлении еще более своих предшественников удаляется, по мнению историографа, от государственного идеала эпохи московских князей. Однако для восстановления гармонии между "древним" и "новым", которая существовала при Иоанне III, Карамзин не предлагает отменить все "новое" и вернуться к "древнему". "Время, — пишет он, — дает надлежащую твердость уставам" (53). Менять что-либо "теперь поздно, — люди и вещи, большую частью, переменялись; сделано столько *нового*, что и *старое* показалось бы нам теперь опасно *новостию*; мы уже от него отвыкли" (104).

Только такой переход из системы сущностного и ценностного понимания "древнего" и "нового" в систему хронологическую, где каждый следующий временной отрезок превращает "новое" в "старое" и потом в "древнее", дает Карамзину возможность строить оптимистические прогнозы относительно будущего России. Россия, по его мнению, как государство великое, все еще далека от окончательной гибели. Для спасения

ее от монарха требуется, в первую очередь, бездеятельное ожидание. Тогда "новое" перестанет быть таковым, "родятся нужные для государства привычки, ход вещей делается правильным, постоянным; *новое* и *старое* сольются в одно" (119).

Ориентация монарха на такого рода "ожидание" чревато "утратою многих выгод так называемой чести", а потому не может быть и не будет понята большинством современников.

В "Записке" очерчены три возможные позиции отношения подданного к монарху. Так, заканчивая "Записку", Карамзин пишет: "Возвращаюсь к *безмолвию верноподданного* с сердцем чистым, моля Всевышнего, да блюдет Царя и Царство Российское!" (119). Позиция "верноподданного", таким образом, предписывает сохранение "безмолвия" и молитву (безропотное повиновение тирану, как мы видели, Карамзин оценивает как "народную добродетель").

Верноподданному противостоит историк и поэт. Поэт, если долг верноподданного не требует от него безмолвия, следует своим вкусам и пристрастиям. Он является частным лицом и поет личные добродетели своих героев. Так, для Карамзина — автора "Марфы Посадницы", Марфа будет героиней безусловной положительной. С позиции историка он оценивает ее деятельность, как мы видели, иначе.

Историка сближает с монархом способность подняться над личными вкусами и отдать предпочтение "справедливости". Для монарха, пишет Карамзин, "счастье состоит в *справедливости*" (27). Историк говорит о том, что ему "кажется *справедливым* и что некогда скажет История" (42). Показательно, что по мнению Карамзина, такую роль на Руси традиционно выполняли "первосвятители", которые "имели у нас одно право, — вешать истину Государям, не действовать, не мятежничать, — право благословенное не только для народа, но и для Монарха <...>. Со времен Петровых упало духовенство в России. Первосвятители наши уже были только угодниками Царей и на кафедрах языке Библейским произносили им слова похвальные" (27). Указание на "похвальные слова"

должно было, видимо, отсылать читателя к эпиграфу "Записки": "Несть дести в языке моем. (Псал. 138)".

По мнению Карамзина, у монарха может быть только один союзник — историк. Принимая на себя это бремя, Карамзин, "республиканец в душе", встает на сторону "справедливой" монархической системы, лично симпатизируя Александру, выступает с суровой и обидной критикой в адрес монарха.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Идельман Н.* Последний летописец. М., 1983. С. 67 (здесь и далее курсив мой. — *Е. П.*).
- 2 *Лотман Ю. М.* "О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях" Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 2. С. 201.
- 3 *Karamzin N. M.* A Memoir on Ancient and Modern Russia. The Russian Text / Ed. by Richard Pipes. Cambridge (Massachusetts), 1959. P. 1. Далее ссылки на это издание даются в тексте: в скобках указывается номер страницы.
- 4 Исследователи неоднократно подчеркивали важность добродетели монарха в системе Карамзина. Так, в уже цитированной статье Ю. М. Лотман писал о Карамзине — авторе "Записки": "Вопрос о личных свойствах государственного деятеля не был для него исторически побочным. Злодей или честолюбец, низкий или преступный человек не мог для него быть хорошим политиком. В этом смысле примечательно, что, обращаясь к царю, Карамзин не поощрял *человеческих качеств* ни одного из его предков" (*Лотман Ю. М.* "О древней и новой России..." С. 202); В. П. Козлов указывал: «Характеристика царствования Ивана Грозного, данная Карамзиным в девятом томе, целиком соответствовала мировоззрению историографа и его идеологическим устремлениям. Согласно им, "истинное самодержавие" воплощено только в лице монарха, обладающего только целым набором *личных и государственных "добродетелей"*» (*Козлов В. П.* "История государства Российского" Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 98). Однако в концепции "Записки", как кажется, центральным моментом является именно противопоставление личных и государственных добродетелей монарха: ни личные пороки, ни личные добродетели не определяют исторических судеб

государства. Можно предположить, что одним из источников таких представлений для Карамзина стала историческая и публицистическая литература Смутного времени, где эти идеи получили самое подробное развитие.

8 *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. 1. С. 130.

9 Позднее Карамзин изменит свое представление о Борисе Годунове и будет говорить о его искренних усилиях по преобразованию России, однако общая оценка его роли как правителя сохранится: личные добродетели монарха не имеют решающего влияния на государственное благополучие.

10 Вопрос этот требует отдельного рассмотрения, отметим лишь, что целый ряд рассуждений Карамзина в "Записке" являются полемическим пересказом ломоносовских стихов (за приведенной вышше цитатой стоят слова Ломоносова "Ты в гневѣ россам был Творец"; Карамзин использует ломоносовскую формулу в словах "Он сквозь бурю и волны устремился к своей цели" (21) и т. д. Точно так же Карамзин полемически пересказывает фрагменты ломоносовской "Древней Российской истории".

8 *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. 6. С. 3, 224, 231.

9 Там же. С. 15 и 67, 19, 66, 68, 78.

10 Там же. С. 19. Характеризуя изменение позиции Карамзина — автора "Истории", Ю. М. Лотман указывает, что теперь для него «даже бескорыстные порывы благородных утопистов, вроде Марфы Посадницы, на деле способствуют лишь "интересам" "бояр корыстолюбивых"» (*Лотман Ю. М.* Поэзия Карамзина // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 2. С. 189). К этому можно добавить, что в "Истории" Марфа, "гордая и честолюбивая", открывшая "дом свой для шумных сомнищ", изображенная среди нетрезвых гостей, сама делает Новгород жертвой своих личных страстей (*Карамзин Н. М.* История... Т. 6. С. 17–18).

11 Там же. С. 83.

12 Для историографии XVIII в. характерно было рассматривать республику как равноправную форму политической организации, наряду с монархией. Так, например, Ломоносов рассуждал о том, что отличие истории древнего Рима от истории России заключается в том, что Рим достиг своего величия, будучи республикой, и пал, пережив форму правления, Россия же, напротив,

была порабощена из-за народного правления и достигла величия как государство самодержавное.

13 Там же. С. 85–86.

14 Там же. С. 222.

15 Там же. С. 94, 206.

16 Там же. С. 222.

17 Карамзин здесь, как и в “Записке”, говоря о Петре, постоянно полемизирует с Ломоносовым.

18 *Карамзин Н. М. История...* Т. 6. С. 3, 4, 219, 221.

19 Там же. С. 7–8, 31.

20 Там же. С. 61.

21 Там же. С. 175, 178.

22 Там же. С. 223.

23 Там же. С. 219.

24 *Лотман Ю. М. “О древней и новой России...”* С. 202.

25 *Державин Г. Р. Анакреонтические песни.* М., 1987. С. 11.

26 В своем пафосе отрицания нового Карамзин отказывается верить не только в успех реформ Александра I, но и, например, в успешное применение паровых машин: “Слышу только, что славный Тульский завод приходит в упадок, что *новые* паровые машины действуют не весьма удачно и что *новые* образцовые ружья причиною разорения мастеров... Так ли?” (65).

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПАРАДИГМЫ В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЭСТОНИИ XVII–XIX СТОЛЕТИЙ

ЯАН РОСС

В своем фундаментальном труде “Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки” Г. Гельмгольц (1875: 407, немецкий оригинал 1862 г.) пишет: “По указанию Эттингена (A. v. Oettingen) Эсты сопротивляются еще и теперь пению вводного тона в хорах минорного тона <лада. — Я. Р.>, если он даже и обозначается явственно органом”. Гельмгольц здесь ссылается на книгу Артура Эттингена “Das Harmoniesystem in dualer Entwickelung”, которая вышла в Тарту (Дерпте) в 1866 г. Заметим, что в этой книге рассматриваются принципы образования мажорного и минорного звукорядов и их связи со структурой натурального звукового строя. Как указал Нимал (1984), эти идеи получили свое дальнейшее развитие в кандидатской диссертации покойного преподавателя Тартуского университета Яана Соонвальда, защищенной в Тарту по математике в середине 1970-х гг.

Упреки по поводу недостаточного качества конгрегационного пения на территории Эстонии впервые встречаются, конечно, не у Артура Эттингена. Уже в начале 17-го века таллинский пастор Георг Мюллер сетует на то, что посетители во времени службы “laulwat ninck moekawat kudit ned Lambad, ia naemat eb moista, ewat tae kaas mitte, mea naemat laulwat” (“поют и производят звуки подобно стаду овец, не понимая и не зная, что они поют”) и настаивает на том, что должно будет “ned Lauluth eikesti орта laulma, kuu meye pente Schole Poyside kaas Chore siddes laulame” (“хоралы хорошо выучить, подобно тому, как вы услышите, мы вместе со школьниками поем в хоре” (Müller 1891: 94). Однако невозможно точно установить,